

Вадим Россик Беда в Стране змей. История девятая

Вадим Россик
Беда в Стране змей.
История девятая

<https://litres.ru/74613923>

SelfPub; 2026

Аннотация

С нотариусом из Квакенбурга доктором Мартиниусом случилась беда. Но на помощь пришли его помощник Мельхиор и племянница Барабара. Они собрали спасательную экспедицию и отправились в таинственную и страшную Страну змей.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Я не поеду сама и не пущу Мельхиора	9
Глава 2. Прощание	14
Глава 3. Страшная весть	21
Глава 4. Визит к барону Мантии	24
Глава 5. Визит к месьеру Розмарину	30
Глава 6. Гведокрепость	34
Глава 7. Суматоха на «Саламандре»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Россик

Бедa в Стране змей.

История девятая

Пролог

Мельхиор сидел у открытого окна в своей комнате в особняке номер пятьдесят пять на Зелёной улице и наслаждался прекрасным летним вечером. Из окна были видны призывно мерцающие огни Квакенбурга — столицы Гведского королевства. Улицы и площади, ярко освещённые городскими фонарями, заполняли толпы горожан в праздничном платье. Торговые заведения, украшенные разноцветными лампами, красивыми вывесками и светящимися гирляндами бойко продавали товары со всех концов королевства. До Мельхиора доносились крики лоточников, продавцов сладостей, лимонада и мороженого. В театрах шли спектакли, в цирках давали представления, в парках играли оркестры, под весёлую музыку кружились пары, клоуны смешили публику, фокусники и чародеи показывали своё искусство легковерным ротозеям.

В душе Мельхиора царили покой и довольство. В прошедшем году его жизнь текла легко, безмятежно и предсказуемо.

Шеф Мельхиора — известный квакенбургский нотариус Бенедикт Мартиниус — был вполне доволен его работой. Кроме того, старик наконец-то уgomонился и перестал бездумно бросаться в опасные авантюры. Теперь он проводил вечера в своём кабинете. Смирно сидел за письменным столом и допоздна изучал какие-то замшелые исторические трактаты, делая записи. А на плече шефа дремал его любимец — зелёный, как весенняя листва, хамелеон Ляпис. Зелёный цвет означал на языке хамелеонов, что Ляпис тоже доволен жизнью.

Отношения с Барабарой, то есть с Барбарой Мартиниус — племянницей нотариуса, наконец-то обрели определённость. Барабара больше не металась между любовью и неуверенностью в своём избраннике, да и сам Мельхиор, чего уж тут греха таить, больше не вспоминал ни нежную красавицу Таис из замка Три Башни, ни загадочную Мелодию из Гвинбурга, ни отважную дочь вольных степей Красной страны Эрику Караколь. Бойкая племянница нотариуса вытеснила всех этих навязчивых (по мнению Барабары) девиц из сердца любимого. Недавно Мельхиор и Барабара были помолвлены. На этом настояли родители Барабары. Конечно, по категорическому требованию дочери, но Мельхиору знать об этом необязательно. Венчание назначили на осень, сразу после Дня Ближнецов, в главном храме Гвении — соборе Темплум Домини. Сегодня Барабара обещала прийти к дядюшке на ужин, и Мельхиор с нетерпением ожидал невесту.

Большие напольные часы в кабинете нотариуса проиграли начальные такты старинной гведской мелодии «Страна цветов» и гулко пробили семь раз. Почти одновременно с ними резко прозвенел звонок входной двери. Это, должно быть, пришла Барабара. Мельхиор вскочил с места и заторопился вниз.

Это действительно пришла Барабара. Девушка была в своём любимом бирюзовом платье с кружевами, идущими по рукаву, от локтя и почти до самого запястья, с рисунком из золотых рыбок по подолу. Прелестное личико, густая грива светлых волос, большие голубые глаза, стройная фигура. Барабара превратилась в настоящую красавицу, на которую оглядывались все мужчины на улице.

В качестве приветствия Барабара чмокнула Мельхиора в щёку и, схватив его за руку, потащила за собой в столовую.

— Я надеюсь, что ужин уже готов? — проговорила она. — Просто умираю с голоду.

Действительно, в столовой всё было готово. Комнату освещали серебряные канделябры и медные шандалы. Стол покрывала белоснежная скатерть, украшенная плетёными корзинками с алыми розами, хризантемами и крокусами — особая гордость Саскии — домоправительницы и кухарки. Перед каждой тарелкой, украшенной виньеткой: «Королевская фарфоровая мануфактура», лежал серебряный столовый прибор, а в центре стола стояла огромная супница, накрытая крышкой. Из-под крышки пробивался соблазнитель-

ный аромат.

Саския внесла в столовую поднос, на котором теснились вазочка с малиновым вареньем, кувшин со сливками, блюдо с целой горой овсяного печенья с изюмом, сахарница, чашки и пузатый фарфоровый чайник.

— Это для чаепития, молодые люди, — ласково сказала Саския, расставляя посуду на столе.

— А где дядя? — спросила Барабара.

— Сейчас я его позову, — откликнулся Мельхиор, но звать шефа ему не пришлось. В следующую минуту нотариус вступил в столовую. К ужину доктор Мартиниус облачился в сюртук тёмно-зелёного бархата на алой сатиновой подкладке и ослепительно белый жилет. На впалом животе нотариуса сверкала серебряная цепочка часов, а в пёстрый галстук была вдета бриллиантовая булавка. Мельхиор насторожился. Тщедушный, сутулый и совершенно лысый месьер Мартиниус оделся слишком торжественно для обычного семейного ужина. Это было неспроста. Мельхиор почувствовал, что назревает что-то недоброе.

Доктор Мартиниус встал во главе стола, погладил себя по лысине, потянул за свой длинный нос, для чего-то постучал ложечкой по чашке, откашлялся и наконец взволнованно пропищал:

— Я собрал вас, мои дорогие, чтобы сообщить чрезвычайно важное известие. Я решил предпринять экспедицию в Новую Гвинею, и приглашаю вас принять в ней участие.

Мы отправляемся завтра на рассвете. Я хочу найти место, на котором наши предки более тысячи лет назад встретились с Гведикусом.

Глава 1. Я не поеду сама и не пущу Мельхиора

— Что вы такое говорите, дядя Бенедикт? — воскликнула Барабара, вскочив с места. — Зачем в Новую Гвеецию? Почему в Новую Гвеецию?

Мельхиор тоже вопросительно уставился на шефа. Даже Саския застыла на пороге с подносом в руках. Она каждый раз ужасно расстраивалась, когда хозяин надолго покидал свой особняк.

— Что-то я засиделся, моя милая Барб, — ответил доктор Мартиниус, с хрустом потянувшись всем телом. — Только и делаю, что борюсь до обеда с голодом, а после обеда со сном. Не пора ли мне размять косточки?

— Но как ты определишь место встречи с Гведикусом? Ведь прошло столько веков?

— Примерно одиннадцать, моя дорогая. По легенде там должен стоять большой камень. Я всю жизнь мечтаю найти его и внести посильную лепту в историческую науку. Это открытие достойно увенчает мою жизнь. Когда придёт мой смертный час, а он уж близок, этот камень будет мне доказательством, что я не зря прожил свою жизнь.

— Но ведь джунгли Новой Гвееции — это бескрайнее море

деревьев, доминус¹, — пролепетал Мельхиор. Он всё ещё не мог прийти в себя. — Откуда вы знаете, в какую сторону идти?

— Я примерно вычислил это место по старинным картам и рукописям и даже нарисовал карту с моим маршрутом, мой друг. Туда я и направляюсь в первую очередь.

— И где это?

Доктор Мартиниус хитренько усмехнулся.

— Вот пойдёте со мной и увидите.

— А где ты возьмёшь деньги? Ведь такая экспедиция стоит дорого? — спросила Барабара.

— Мне ссудил достаточную сумму месьер Розмарин. Он любезно согласился финансировать мою экспедицию.

Это было в высшей степени удивительное событие. Весь Квакенбург знал месьера Розмарина — управляющего Гведского королевского банка. Розмарин славился своей скупостью. Золотыми флорианами, которые он накопил, старый скряга мог бы вымостить Гранд-бульвар из конца в конец.

— Однако, хватит разговоров, — решительно заявил нотариус. — Завтра утром мы отправляемся в Гведианáполис!

— Ни в коем случае! — не менее решительно воскликнула Барабара. — Я не поеду сама и не пушу Мельхиора. Что такое Новая Гвеция? Её не зря называют Страной змей! Это непролазные джунгли, полные хищных растений, зубастых крокодилов, ядовитых змей, свирепых обезьян и та-

¹ Dominus - господин (лат.).

ких же свирепых дикарей. Нам же рассказывали в гимназии на гведографии! Власть нашего короля распространяется только на Гведианáполис, а дальше начинаются бескрайние джунгли, где может случиться всё что угодно. Эта мрачная чащоба мало кому ведома. Говорят, что отправившиеся в эту чащобу путники как правило не возвращаются, а вернувшиеся повествуют о столь ужасных вещах, что кровь стынет в жилах. Нет, нет и ещё раз нет!

Доктор Мартиниус печально вздохнул.

— Послушай, Барб. Боюсь, что это будет моё последнее путешествие. Я должен его совершить, пока у меня ещё есть силы. Я чувствую, как они убывают с каждым месяцем. Это старость, мои милые. Видимо, скоро мне придётся переехать в приют для престарелых месьеров «Весёлые одуванчики» на улице Старых Ангелов.

— Что ты такое говоришь, милый дядюшка? — На глаза Барабары навернулись слёзы. — Ты кавалер ещё хоть куда! Возраст — это только цифра.

— Нет, моя милая Барб, — покачал лысой головой доктор Мартиниус. — Не будем себя обманывать. Цифра цифрой, но тело говорит о другом. С хрустом гнутся колени, перехватывает дыхание, неровно бьётся сердце, и силы оставляют тебя, едва ты с трудом поднимаешься по лестнице.

Барабара хотела что-то возразить, но тут в спор вмешалась Саския:

— Не хватит ли препираться, уважаемые? Ужин стынет!

Да, тратить время на бесплодные споры, когда на столе стынет еда — это было бы как-то не по-гведски. Все трое спорщиков молча кивнули, снова уселись за стол и отдали дань кулинарному мастерству Саскии. Суп из индейки с ржаными гренками, жаркое по-гвински с луком и чесноком, блинчики со сладким творогом, пончики с малиновым вареньем, которое Саския сварила сама, южноалександрийские вина: белое, красное и розовое, и даже бутылка обожаемой нотариусом золотистой хинной настойки из Новой Гвееции — большая редкость в Квакенбурге.

Впрочем, ужин проходил в гробовом молчании. Наконец, когда последнее блюдо было съедено, доктор Мартиниус вернулся к прежней теме:

— Так ты поедешь со мной, Барабара?

Насупившись, Барабара буркнула:

— Нет, дядя! Извини.

— Мельхиор? Вы же не оставите меня, мой друг и верный помощник?

Барабара свирепо посмотрела на жениха.

— Мельхиор?

Душа Мельхиора разрывалась между преданностью шефу и любовью к Барабаре. Всё же любовь победила, и Мельхиор в отчаянии прошептал:

— Простите меня, доминус, но я не могу вас сопровождать. Умоляю вас отказаться от своей безумной затеи.

Доктор Мартиниус соскользнул со стула, изобразил на ли-

це горестную гримасу и пронзительным фальцетом возвестил:

— И ты, Брут? Ну что же, раз вы отказываетесь, значит, я еду один!

Глава 2. Прощание

Никто на самом деле не знает, откуда в Гвещию пришли гведы под началом Алкуина, Кируина и Мелуина — трёх братьев-близнецов. Старинные легенды и школьные учителя говорят, что легендарной прародиной гведов была чудесная Флориана — Страна Цветов, где царила вечная весна. По велению богов Флориану за грехи народа уничтожил самый свирепый бог — Деус.

Оставшиеся в живых флорианцы выбрали своими вождями трёх братьев-близнецов: Алкуина, Кируина и Мелуина. Разделив народ на три колонны, братья повели его по единственному возможному пути на север, в поисках нового места для поселения. Долго они не могли найти подходящее место. Где-то не было воды, где-то земля была неплодородна, где-то местные жители были враждебны. Так в скитаниях прошло много лет. Всё это время несчастные беглецы просили богов смилостивиться над ними. Наконец гнев богов стал утихать и, собравшись на совет, они решили простить флорианцев. Но, чтобы те не забыли полученного урока, боги повелели, чтобы отныне всё необходимое для жизни люди добывали себе тяжким трудом без помощи свыше.

Предание гласит, что однажды на берегу полноводной реки Алкуин, Кируин и Мелуин встретили волшебника по имени Гведикус. На правом его плече сидел чёрный орёл, а

на левом — белый голубь. Гведикус передал близнецам прощение богов и указал место для поселения. Упав на колени, братья возблагодарили богов и попросили Гведикуса быть их покровителем и заступником. В его честь они назвали страну Гведцией, себя гведами, а реку, где произошли эти события, — Гведианой. По легенде, на месте встречи близнецов с Гведикусом был установлен большой камень.

И до сей поры гведы чтут Гведикуса, как покровителя своей страны. О нём существует множество историй. Гведикус творил чудеса, понимал язык животных и птиц, повелевал стихиями, исцелял больных, спасал попавших в беду, карал злодеев. Взрослые верят, что орёл с его правого плеча наказывает злых, а голубь с левого плеча награждает добрых. А дети ждут, что Гведикус в новогоднюю ночь принесёт им подарки и положит под кровать.

С огромным трудом переправившись через широкую Гведиану, беглецы оказались в обширной и богатой стране. Почти всю её окружали исполинские горы и только на востоке и юге в сушу глубоко вдавались морские заливы. В центре страны возвышалась огромная гора, длинные отроги которой делили страну на несколько отдельных областей. С горы струились реки, орошавшие плодородную почву. На северо-востоке лежало большое озеро, отделявшее длинный узкий полуостров от основного массива земель. Север и центр были покрыты густыми лесами, а на юго-западе находилась обширная пустыня. Её пески доходили почти до побережья

южного залива, вдоль которого узкой полосой тянулись тропические заросли. Западную часть занимала равнина, покрытая высокой травой. Страна изобиловала различными животными и птицами. В её недрах скрывались богатые запасы руд. Воды были полны рыбы. Климат был мягким. Лето было долгим и жарким. Снег выпадал только на севере.

Легенды рассказывают, что от Гведианы Алкуин, Кируин и Мелуин повели свой народ к Большой горе. За обилие хвойных лесов центральную область называли Зелёной страной, а самый большой лес — Зелёным лесом.

В середине Зелёной страны гведы заложили свою столицу — Квакенбург. После основания Квакенбурга между братьями-близнецами начался раздор. Они никак не могли решить, как поделить власть в Зелёной стране. Алкуин хотел править единолично, Кируин предлагал царствовать сообща всем троим, а Мелуин — по очереди. Каждого поддерживали их сторонники. Так и не договорившись, Кируин и Мелуин, со своими людьми, покинули Квакенбург. Кируин ушёл на север к Голубому озеру в Голубую страну и основал свой город — Ксант. По легенде, Ксант — имя дракона, которого на том месте убил Кируин. Мелуин же направился на юг и построил город Портобелло в Оранжевой стране. Позже гведы из Голубой страны достигли Синего моря и на полуострове построили город Ориент, ставший главным городом Синей страны и главным портом на востоке.

Со временем к владениям гведов была присоединена

страна гвинов — Гвинляндия, лежавшая в северо-западных дремучих лесах. Ею издавна правили гвинские графы, поэтому новая часть Гведского королевства была названа графством Фиолетовая страна. Джунгли к югу за Гведианой король Себастьян Первый Великолепный привёл к покорности почти три века назад, поэтому он назвал эту обширную территорию Новой Гвеей. На берегу Гведианы — естественной границы Старой Гвееи с Новой Гвеей — была построена Гведокрепость — мощная твердыня с большим гарнизоном, как символ власти гведского короля над этим краем. Главным городом Новой Гвееи Себастьян Великолепный назначил Гведианополис — город, построенный в незапамятные времена греческими мореплавателями. Впрочем, эту историю знает каждый образованный гвед.

На следующее утро Мельхиор, Барабара, Саския и Ляпис, стоя у почтовой конторы на площади Старинных Гобеленов, провожали доктора Мартиниуса в далёкое и опасное путешествие. Вместительная почтовая карета с гербом Квакенбурга на дверцах — угольно-чёрный орёл с золотыми глазами, клювом и великокняжеской короной на изумрудном поле — постепенно заполнялась путешественниками.

Настроение у провожающих было самым траурным. Мельхиор хмурил брови, Барабара кусала губы, Саския утирала платочком слёзы, Ляпис, сидевший на плече Мельхиора, так побледнел от горя, что стал почти прозрачным.

Кроме доктора Мартиниуса в экспедицию входили

Освальд Гербариус — профессор ботаники из Гведского королевского университета и брат Бон — монах из монастыря Кающихся Грешников в Вилоне. Профессор Гербариус сторожил целую грудку своих чемоданов. Это был высокий и очень худой старик с мертвенно-бледным лицом, покрытым морщинами. При взгляде на него сразу становилось понятно, что профессор, несмотря на свою профессию, редко бывает на свежем воздухе.

Во время учёбы в университете Мельхиору однажды пришлось прослушать лекцию профессора Гербариуса «Некоторые особенности метаболизма гаметофитов у спорофитов». Лекция была чрезвычайно сложной, запутанной и утратившей свою суть, благодаря неясным определениям и непонятным терминам. С лекции Мельхиор вышел со страшной мигренью и глубоким убеждением, что у профессора не всё в порядке с головой. С тех пор он всячески избегал лекций Гербариуса.

Брат Бон переминался с ноги на ногу возле профессора Гербариуса. Из багажа у него была лишь бутылочка золотистой хинной настойки из Новой Гвееии, которую нотариус захватил с собой из дома. Как и положено монахам монастыря Кающихся Грешников, брат Бон кутался в свободное одеяние с капюшоном из серой мешковины до пола, украшенное эмблемой в виде скалящегося черепа. На круглой физиономии монаха выделялся багровый нос непомерной величины. Пухлые щёки и хитрые блестящие глазки-щелочки,

гладко выбритая голова. Короче говоря, оба отнюдь не выглядели надёжными спутниками в походе по глухим джунглям, кишачими первобытными дикарями.

Пока кучер с помощником грузили чемоданы профессора Гербариуса в багажное отделение кареты, к провожающим подошёл доктор Мартиниус. На его лысой голове болталась большая белая панама. В руках он сжимал билеты.

— Ну что же, пора прощаться, мои дорогие, — в радостном возбуждении пропищал нотариус. — Через минуту мы тронемся в путь. Почтовая карета доставит нас до Гведокрепости. Месьер Розмарин дал мне рекомендательное письмо к полковнику Харберту. Надеюсь, полковник поможем нам. От Гведокрепости мы спустимся по Гведиане до Аквамаринового залива, а там до Мнестры рукой подать. Мнестра — это порт Гведианáполиса, если кто не знает. Да, очень жаль, что вы отказались участвовать в такой интересной экспедиции. Вы только представьте себе! Меня ждут таинственные мангровые леса, кусты жасмина, пьющие солнечный свет, коричневые дома на сваях, змеебоги в храмах, спрятанных в джунглях. Уверен, потом вы будете жалеть! — Доктор Мартиниус потряс руку Мельхиору, погладил по спинке Ляписа, от чего тот принял довольный зелёный цвет, обнял Барабару и расцеловал Саскию. — До свидания, мои дорогие! Встретимся через пару месяцев!

Мельхиор вздохнул, у него было очень тяжело на сердце, Ляпис опять побледнел, Барабара постаралась скрыть навер-

нувшиеся слёзы, а Саския зарыдала в голос.

Нотариус присоединился к своим спутникам в карете. Кучер с помощником заняли свои места. Резко щёлкнул кнут, сильные кони сдвинули экипаж с места, и почтовая карета отправилась в свой долгий путь через всю Зелёную страну до Гведокрепости. Через несколько мгновений карета скрылась из вида.

Глава 3. Страшная весть

Со дня отъезда доктора Мартиниуса в Новую Гвеецию прошло более трёх месяцев. За это время Мельхиор получил лишь три письма. В первом нотариус сообщал, что они с профессором Гербариусом и братом Боном благополучно добрались до Гведокрепости и были хорошо приняты полковником Харбертом, который посадил путешественников на речное судно, идущее в Гведианаполис. Через две недели пришло второе письмо. Доктор Мартиниус описывал плавание по Гведиане до Гведианаполиса. В третьем письме нотариус рассказал, что они остановились в гостинице «Павлинье перо» на Корзо — центральном проспекте Гведианаполиса. Переночевав, три путешественника отправились в замок Солитер на границе джунглей. Хозяин замка, маркиз Солитер-Конради, предоставил в их распоряжение своего темнокожего слугу Килиана Манго в качестве проводника. Манго происходил из племени, живущего на побережье, но он много бродил по джунглям и хорошо знал эти места. Доктор Мартиниус в конце письма с тревогой приписал, что кто-то явно пытается помешать экспедиции. Так, в замке у него пропала карта с маршрутом. К счастью, нотариус выучил её наизусть и смог нарисовать снова. Произошло ещё несколько мелких неприятностей. Впрочем, они не могли остановить путешественников. Нотариус по-прежнему

му был преисполнен оптимизма.

Со времени получения последнего письма прошёл целый месяц, но никаких вестей от шефа больше не было. Напрасно Мельхиор по сто раз в день проверял почтовый ящик, а Саския, невзирая на возраст и солидную комплекцию, стремглав неслась из кухни на каждый звонок в дверь. Барабара тоже почти ежедневно забегала на Зелёную улицу, узнать, нет ли новостей от любимого дядюшки. Так пролетел ещё один месяц.

Однажды ранним утром у дверей особняка номер пятьдесят пять на Зелёной улице раздался сигнал почтового рожка. Мельхиор, протирая заспанные глаза, открыл дверь.

— Месьер Мельхиор Ян Лукас? — спросил почтальон, сидя на облучке почтовой кареты. — Вам срочное письмо.

Трясущимися от волнения руками Мельхиор вскрыл конверт. В нём находилось короткое письмо, написанное вычурным почерком со множеством завитушек.

«Благородный месьер Лукас. Судя по двум именам, вы относитесь к знатному сословию, как и я, поэтому, как кавалер с кавалером, буду прям и краток. С глубоким прискорбием сообщаю, что известный вам доктор Мартиниус был похищен дикарями и уведён ими в джунгли. Очень возможно, что он уже растерзан и съеден. Несмотря на мои уговоры отказаться от безумного похода в так называемый Лес Мертвецов, куда ни один цивилизованный человек, находясь в здравом уме, не сунется, доктор Мартиниус отправился на-

встречу своей смерти. В двух днях пути от моего замка его отряд попал в засаду, устроенную малепусиками — свирепыми карликами из Леса Мертвецов, и доктор Мартиниус был захвачен в плен. Достопочтенный брат Бон и уважаемый профессор Гербариус чудом избежали такой же участи. С помощью проводника, Килиана Манго, им удалось отбиться и вернуться в замок. Я описываю вам эту ужасную историю с их слов. Сейчас они пребывают в полной растерянности и не знают, что им делать дальше. Надеюсь, вы сможете им это подсказать. Жду вашего ответа. Засим остаюсь — искренне ваш маркиз Геронимус Миллисент Аргус Солитер-Конради. Честь имею!»

Сердце Мельхиора болезненно сжалось. Несносный старик, он всё-таки попал в беду!

Глава 4. Визит к барону Мантии

Получив пугающее сообщение от маркиза Солитер-Конради, Мельхиор не находил себе места. Он метался по дому и корил себя за то, что не поехал вместе с шефом. Саския ничем не могла ему помочь. Старая кухарка закрылась в кухне, плакала там и повторяла:

— Что же теперь делать, молодой хозяин? Как спасти старого хозяина?

Что чувствовал Ляпис не знал никто. Хамелеон сидел на столе перед Саскией и меланхолично пережёвывал таракана.

— Осиротели мы с тобой, адская тварь, — простонала Саския и заплакала ещё горше.

К обеду пришла Барабара. Прочитав письмо, девушка на минуту задумалась, потом решительно тряхнула гривой своих белокурых волос:

— Нужно немедленно ехать к этому маркизу с бесконечным именем.

— Зачем? — непонимающе уставился на неё Мельхиор.

— Какой ты глупый, Мельхиор. Чтобы искать дядю, конечно.

— Но у нас нет денег, — вздохнул Мельхиор. — Ты представляешь, сколько стоит добраться до Гведианаполиса?

— Значит, нужно занять! — Барабара топнула ногой. — Насколько я знаю, у дяди был богатый и влиятельный друг

— барон Мантия. Он ведь главный судья Гведской судебной палаты. Попросим его помочь. Собирайся!

Барон Мантия жил недалеко от Зелёной улицы на проспекте Святого Яна Квакенбургского-Крестителя Гвееции возле Духовного университета имени всё того же Яна Квакенбургского. Соседство с религиозным учреждением требовало соответствующего поведения, но, на беду отцов церкви, у барона Мантии была одна, но пламенная страсть. Он обожал голубей. Мантия даже заразил своей страстью доктора Мартиниуса, правда на весьма короткое время. Барон велел выстроить высоченную голубятню над своим особняком. Птицы моментально загадили особняк сверху донизу, как и соседнее здание университета. Настоятель университета много раз жаловался епископу Зелёной страны, что барон грубо нарушает первую заповедь, которую Гведикус даровал гведам: «Живи и давай жить другим». Настоятель доходил даже до самого архиепископа — главы Гведской церкви, но всё было напрасно. Барон Мантия обзавёлся слишком влиятельными покровителями при дворе и ему всё было ни почём. Каждое утро барон безмятежно гонял огромную стаю голубей над своими владениями, не обращая внимания на бешеную стрельбу из рогаток и виртуозную брань высокодуховных соседей.

Особняк барона Мантии был обнесён каменной стеной, над которой поднималась башня странного вида, напоминающая курятник. Из-за стены резко несло птичьим помётом

или гуано, как куртуазно выражался барон Мантия. У ворот Барабара вдруг остановилась. Задумавшийся Мельхиор чуть не налетел на неё.

— Послушай, Мельхиор, — сказала Барабара непривычно мягким тоном. — Я очень тебя люблю. Я знаю какой ты отважный, но ты слишком скромный и застенчивый, прямо сказать — мямля, поэтому переговоры с бароном Мантией я возьму на себя. Договорились?

Хотя Мельхиору было неприятно это слушать, но в глубине души он признал, что Барабара права, поэтому лишь молча кивнул, напустив на себя независимый вид.

Барабара дёрнула бронзовый колокол, висящий у ворот. Раздался протяжный гонг. Через минуту из ворот выглянул слуга в парике и зелёной ливрее с серебряным шитьём. Слуга оглядел Мельхиора и Барабару, явно невысоко оценил их благосостояние и без всякого намёка на приветливую улыбку процедил сквозь кривые зубы:

— Чего изволите, молодые люди?

— Нам непременно нужно увидеться с меcсьером бароном, — заявила Барабара, обворожительно улыбаясь. — Вопрос чрезвычайной важности и не требует отлагательства.

В ответ слуга скорчил противную гримасу, которая, очевидно, заменяла ему милую улыбку.

— Как о вас доложить?

— Мессьер Мельхиор Ян Лукас, внук бригадного генерала Лукаса, и мадемуазель Мартиниус, племянница доктора

Мартиниуса, хорошо известного меcьеpy барону.

— Хорошо, подождите здесь, молодые люди, — чуточку смягчился слуга и исчез. Впрочем, через минуту он появился вновь, открыл створку и сделал приглашающий жест:

— Прошу, молодые люди! У вас пять минут.

Слуга проводил Мельхиора и Барабару в особняк. Там всё свидетельствовало о тяге к роскоши и любви к голубям. Коридоры освещали позолоченные светильники, мастерски сделанные в виде голубей. Алебастровые стены покрывали гобелены, изображающие голубей. Пушистые ковры с неизменными голубями устилали полы. Фарфоровые вазы в форме голубей стояли на круглых столиках из полированного красного дерева. И над всем царил неистребимый запах гуано.

Слуга ввёл оробевших Мельхиора и Барабару в огромный многоугольный кабинет, широкие и высокие двери которого были украшены резьбой слоновой кости. Посреди кабинета стоял барон Мантия, одетый в длинное пурпурное одеяние главного судьи Гведской судебной палаты.

— Спасибо, Репетур, ты свободен, — бросил Мантия слуге, и тот неслышно выскользнул из кабинета. Мантия повернулся к вошедшим.

— Ну-с, чем могу быть полезен?

Барабара протянула барону письмо. Мантия пробежал его глазами и поднял взгляд на молодых людей.

— Соболезную. Месьер Мартиниус был довольно стран-

ным человеком. Мда-с, довольно странным! Живо интересовался голубями, но...

— Ещё рано соболезновать, ваша честь, — перебила барона Барабара. — Я уверена, что дядя жив. Мы должны спасти его!

— И как же вы сможете это сделать, барышня? — с иронией спросил Мантия.

— Мы отправимся в Новую Гвеецию, найдём дядю и отобьём его у дикарей, вот!

— Звучит прелестно, но при чём здесь я?

— Нам нужны деньги, — вздохнула Барабара, — а у вас их много. Одолжите нам пару-тройку сотен золотых флорианов.

Барон Мантия тут же побагровел и надулся.

— Что? Дать взаймы? Об этом не может быть и речи! Мда-с, не может быть и речи!

— Но почему, ваша честь?

Мантия даже затрясся от ярости.

— Тысяча проклятий и борода Деуса! Вы предлагаете мне оплатить поиски чудовища, которое зажарило и съело голубей? Это немыслимо! Мда-с, немыслимо! Пусть Мартиниус остаётся в джунглях среди дикарей, где ему самое место! Небось и вы, месьер Лукас, тоже попробовали жареных голубей своего патрона? Ну-ка признавайтесь!

— Конечно, ваша честь, — пролепетал Мельхиор.

Мантия с отвращением посмотрел на молодого человека.

— И неужели бедные мёртвые птички вам понравились на вкус?

— Должен признаться, да. Саския великолепно их приготовила в лимонном соке.

— Видите, как прекрасны голуби? — воскликнул Мантия, захлопав в ладоши. — Даже жареные они само совершенство! Мда-с, совершенство! Впрочем, ваши пять минут истекли. Прощайте!

Глава 5. Визит к месьеру Розмарину

— Ну что же, первый блин комом, — заключила Барабара, когда они опять оказались на улице. — Тогда идём в Гведский королевский банк.

— К месьеру Розмарину? Этот скряга тем более не даст нам ни центума, — пожал плечами Мельхиор.

Барабара легонько потрепала его по щеке.

— Милый мой Мельхиор, никогда нельзя терять надежды. Если понадобится, мы обойдём все денежные мешки нашего города. Итак, вперед, к месьеру Розмарину!

В Гведском королевском банке на Гранд-бульваре царила обычная деловая суeta. В зале толпились шустрые мелкие предприниматели, пузатые купцы, медлительные сельчане в заскорузлых блузах. Служащие в очках и тёмных налокотниках принимали вклады, выдавали вклады, оформляли ссуды, но чаще всего в них отказывали. Резко щёлкали деревянные счёты. У входа сучали два сонного вида городских стражника в чёрных мундирах. Время от времени они бросали ленивые взгляды на клиентов банка и снова погружались в дремоту.

Мельхиора и Барабару проводили к управляющему. Месьер Розмарин был невысок и коренаст, но его полная фи-

гура терялась в складках широкого тёмно-зелёного сюртука. Лишённый волос череп был обтянут морщинистой кожей в коричневых пятнах, а тяжёлые подбородки покоились на накрахмаленном воротничке. На строгом лице — тени никогда не исполненных обещаний. Маленькие терновые глазки лихорадочно блестели за стёклами пенсне в золотой оправе. Месьер Розмарин славился своей компетентностью в финансовых вопросах и острым чутьём на доходы.

Не трата времени, Барабара ввела банкира в курс дела. Доктор Мартиниус попал в беду, его нужно спасти, но нужны деньги. Розмарин внимательно выслушал девушку, немного подумал, потом проговорил гнусавым голосом:

— Разумеется, милая барышня, у меня нет стремления, быть благодетелем половины королевства и отцом родным для другой половины, но я ссудил месьеру Мартиниусу сотню золотых флорианов на экспедицию. Я дам вам столько же и письмо к полковнику Харберту, командиру Гведского крепостного пехотного полка. Фиделиус — мой старинный друг. Он поможет вам добраться до Гведианаполиса. А дальше уж сами. Найдите мне камень Гведикуса, ну и заодно месьера Мартиниуса. Ведь он мне должен сто флорианов. Но главное — камень! Если вы мне найдёте камень Гведикуса, я дам вам ещё сотню и прощу долг. — Розмарин повернулся к невзрачному служащему, скромно жмущемуся у порога. — Месьер Кек, запишите, пожалуйста, ещё сто флорианов в графу «ссуда».

— Большое спасибо, меcсьер Розмарин, — радостно воскликнула Барабара. — Позволено ли мне задать вопрос? Зачем вам древний камень?

— Я коллекционер, — кратко прогнусавил Розмарин, — и давно охочусь за этим камнем. Но у меня есть условие.

— Какое ещё условие? — заволновалась Барабара.

— Я пошлю вместе с вами своего человека, чтобы он наблюдал за соблюдением условий нашей сделки. Вдруг вы решите продать камень Гведикуса кому-нибудь ещё?

— Ты что, дорогая? Зачем нам в экспедиции шпион этого гундосого банкира? — шепнул Мельхиор на ухо Барабары. Та замерла в нерешительности.

— У вас есть время десяти вдохов-выдохов, чтобы принять решение, — сказал Розмарин. — Меcсьер Кек, принесите сто флорианов и позовите Аполлона.

Кек бесшумно исчез и так же бесшумно появился вновь. На этот раз его сопровождал мужчина в наглухо застёгнутом сюртуке из толстого твида, полосатых панталонах и лихо заломленной клетчатой шляпе. У мужчины была румяная физиономия, кудрявые волосы и густые бакенбарды до самых губ, сложенных сердечком, словно он приготовился целовать управляющего банком. Серые глаза с красными прожилками и набрякшими веками. В руке мужчина держал трость с ручкой из слоновой кости, украшенную гравировкой в виде ползучих растений.

— Прошу любить и жаловать, меcсьер Аполлон Тупс, —

представил мужчину в твидовом сюртуке Розмарин. — Месьер Тупс работает в нашем банке счетоводом, а в свободное время увлекается охотой на демонов и приведений. Хобби у него такое. Так сказать, охотник-любитель.

Тупс поклонился и шаркнул ножкой.

— Аполлон может вам пригодиться, — продолжал гнуса-во расхваливать своего счетовода месьер Розмарин, словно рысака на ипподроме. — Никто не знает, кого вы встретите в джунглях. А вдруг там бродят демоны или какая-нибудь другая нечисть? Спаси и сохрани нас Гарда-защитница! Вот тут-то Аполлон и будет вам полезен. Никто в Квакенбурге лучше его не знает, как обходиться с потусторонними тварями. Ну что? Мы договорились?

— Похоже, что выбора у нас нет, месьер Розмарин, — вздохнула Барабара. — Мы согласны на ваши условия.

Глава 6. Гведокрепость

Почтовая карета мчалась по широкой мощёной дороге через восточную часть Зелёной страны. Несколько лет назад Мельхиору уже пришлось ехать по этой дороге в городок Крон на реке Кроне.² Он с интересом смотрел на пейзаж, расстилающийся за окном. С тех пор многое изменилось. Вдоль дороги появилось много новых селений. Селений было так много, что иногда они сливались друг с другом. Сельские дома утопали в садах. В глубь Зелёного леса уходили распаханное поля.

Посоветовавшись, Барабара и Мельхиор решили двигаться по следам пропавшего нотариуса и, прежде всего, встретиться с профессором Гербариусом и братом Боном.

К вечеру карета достигла изрядно разросшийся Крон, пересекла речку по горбтому мосту и направила к Гведокрепости — главной королевской твердыне в этих местах. Вот над лесом мелькнули крыши замка Три Башни, в котором когда-то нотариусу и его секретарю пришлось столкнуться с чередой смертей. Сердце Мельхиора сжалось. Он вспомнил кошмарные события тех дней, свою первую любовь — Таис Мелас, секретаря графа Де-Бурга — хозяина замка Три Башни. Прошёл слух, что Таис вышла замуж и вернулась в

² Повесть «Нотариус из Квакенбурга».

родной Гведианаполис. Может быть, судьба сведёт их вновь? Мельхиор скосил глаза на Барабару, сонно глазевшую в потолок. Плавное покачивание экипажа её усыпляло. Нет, ни к чему ему встречаться с Таис. Он теперь уже не тот робкий юноша, а взрослый мужчина с любимой невестой, которая в самом скором времени станет его женой. Да, именно так! Его чувства к Таис остались в далёком прошлом, а прошлое не вернёшь, как ни старайся.

Кроме Мельхиора, Барабары и Аполлона Тупса, в состав спасательной экспедиции вошла подруга Барабары — Вениева Хрусталик, вместе с которой Барабара продиралась через тернии знаний в монастырской школе Святой Пейррепертузы. Впрочем, по словам Барабары всё учение состояло из отупляющих рассказов монахинь ордена Гведских Братьев и Сестёр об ужасах Тёмной Долины и уроков шитья и домоводства.

Вениева была девицей из небогатой семьи, но её родители не жалели средств на образование своих детей. Многодетная семья Хрусталиков обитала в небольшом кирпичном домике в переулке Кислых Щей, пересекавшем Перпендикулярный проспект, где находился особняк родителей Барабары.

Малышка Вениева выглядела хрупкой, как тонкая вафля. Нежная кожа, благородной белизны, маленькая головка, узкое личико с большими задумчивыми глазами газели. Звонкий голосок — ломкий, как первый лёд. На Вение-

ве был надет почти новый чёрный костюм для верховой езды (костюм принадлежал её старшему брату, и казался ей немного великоват) и кожаные сапожки (мамины) с чуть-чуть стёртыми наискось каблуками. Шляпка (средней сестры), украшенная фальшивым алмазом, чудом держалась на затылке. Шляпка не могла скрыть огненно-рыжих волос Веневьевы.

К неудовольствию Мельхиора. Барабара не смогла удержаться, чтобы не похвастаться подруге про свою поездку в Новую Гвенецию. Что тут началось! Веневьева ныла, канючила, уговаривала взять её с собой и не отставала от Барабары до тех пор, пока та не согласилась. Разумеется, согласия Мельхиора никто не спрашивал.

Вместе с участниками спасательной экспедиции в карете находилось ещё несколько человек. Кто-то добирался до Крона, кто-то до селений, лежавших на пути: Кронский Брод, Пчелиная Пасека, Весёлый Муравей, Мокрые Спины, Ближние Лужки, Дальние Лужки...

До Гведокрепости ехал только Мельхиор со своими спутниками и месьером Тупсом. Тупс за всю дорогу не сказал ни слова. Он увлечённо читал толстенный манускрипт с устрашающим названием «Демонология для чайников». Мельхиор раньше никогда не видел подобной книги. Она была явно очень древней. Переплёт зелёной кожи, потускневшее золотое теснение, текст, написанный разноцветными чернилами. Каждую страницу обрамлял сложный орнамент из перепле-

тения отвратительных тварей.

За Кроном Зелёный лес уступил место степи с жёсткой редкой травой и безлюдными пустошами. Колючие кусты усеивали местность. Слева можно было разглядеть ослепительные, покрытые вечными снегами, вершины Великогведской гряды, тянущейся длинной цепью вдоль западного побережья Ориентского залива. Справа виднелись Зелёные горы — покрытые лесом скалы — словно зубы сказочного дракона, отделяющие Зелёную страну от Аквамаринового залива.

В течение всего дня почтовая карета летела с той скоростью, какую могли выдержать лошади. По расписанию кучер обязан был доставить пассажиров в Гведокрепость до наступления темноты.

Уже спускались сумерки, когда впереди показались серые стены и башни Гведокрепости, построенной на обрывистом берегу Гведианы. Перед стенами был выкопан широкий ров. В случае тревоги он заполнялся водой из реки. Перекинутый через ров разводной мост, по мирному времени опущенный, вёл к главным воротам. Главные ворота являли собой разинутую пасть гигантского дракона. Тяжёлая подъёмная решётка тоже была опущена. Её железные шипы изображали ряд зубов верхней челюсти дракона. Над воротами развевалось знамя Гведского королевства: четыре белых квадрата, разделённые чёрным крестом. В каждом квадрате изображена княжеская корона: княжества Синяя, Голубая, Оранже-

вая страна. На верхнем поле у древка — большая великокняжеская корона великого княжества Зелёная страна. Со щитов на башнях строго смотрели гведские орлы с золотыми коронами. У ворот дежурил караул. Из многочисленных бойниц грозно торчали стволы пушек. В доказательство того, что ничто человеческое не чуждо даже суровым воинам, кое-где к стволам были привязаны верёвки, на которых сушилось бельё.

По широкой глади Гведианы сновали лодки, проплывали баржи, гребные галеры и даже довольно большие морские суда, чьи форштевни украшали фигуры дев, драконов, орлов, рыб и львов. Ширина и глубина реки позволяли им заходить в неё. Одни лодки были оснащены простыми треугольными парусами, другие парными вёслам, а некоторые лишь одним длинным веслом, которое гребец качал туда-сюда, приводя лодку в движение. У каждой лодки на корме горел фонарь.

Кучер подогнал карету к разводному мосту и остановил лошадей. Спасательная экспедиция спешила, разобрала свой нехитрый багаж и вслед за Мельхиором медленно поплелась к воротам. После долгого сидения ноги у всех затекли и не слушались.

— Здравствуйте, месьеры, — обратился к караулу Мельхиор. — У меня письмо к полковнику Харберту.

— Виват! — по-военному приветствовал Мельхиора поручик, командир караула. — Соблаговолите отдать письмо

мне. Я тотчас же передам его месьеру полковнику.

Делать было нечего. Мельхиор неохотно протянул рекомендательное письмо Розмарина поручику. Тот отдал честь и скрылся неизвестно куда. Только что стоял здесь и вдруг пропал.

Все приготовились к долгому ожиданию. Тупс уселся на свой чемодан и раскрыл «Демонологию для чайников». Девушки принялись собирать цветы, росшие под стеной.

— Дамы и месьеры, полковник Харберт просит вас к себе,
— любезно объявил неизвестно откуда взявшийся поручик.
— Горбик, проводи!

К удивлению Мельхиора, солдаты открыли незаметную дверцу в стене, рядом с воротами. Узкие каменные ступени вели во тьму. Это был подземный ход в крепость. Так вот куда скрылся поручик!

Один из солдат высек искру и зажѣг масляную лампу, сделанную в виде мальчика, справляющего малую нужду, и повѣл путешественников вниз. Второй солдат замыкал шествие, неся такую же лампу, но в виде девочки. Подземный ход всё сужался, потолок постепенно становился ниже, и всем теперь приходилось идти согнувшись. Они всё глубже уходили внутрь земляного холма, сквозь рукотворный тесный коридор.

— Как здесь страшно! Я боюсь замкнутого пространства и темноты, — прошептала Веневьева. Малышка едва держалась на ногах. Барабара взяла подругу под руку и повела ря-

дом с собой.

— Далеко ещё? — спросил солдата Мельхиор.

— Никак нет, меcсьер. Мы почти пришли, — ответил тот глухим подземным голосом.

Действительно, через минуту они уже поднимались по железной винтовой лестнице и вскоре оказались в каменном каземате. Скупой свет заката проникал сюда через узкие бойницы. Солдаты довели путешественников до кабинета командира полка, отдали честь и удалились. Барабара быстренько причесала свою густую гриву, Веневьева вынула шпильки из причёски и позволила своим медным волосам свободно упасть на плечи. Когда девушки были готовы, Мельхиор постучал в дверь.

В кабинете было больше света. Кроме бойниц, его давали лампы, сделанные в виде львов. Полковник Харберт сидел за большим письменным столом, на котором теснились пресс-папье, чернильница, гусиные перья и горы бумаг. На камине стояла миниатюрная бронзовая пушечка — точная копия установленных на стенах. Над головой полковника висел портрет в полный рост короля Флориана Миротлюбивого в парадном мундире Главного маршала Гвееции. Портрет обрамляла резная рама.

Одной рукой полковник что-то писал, другой — отмахивался от роя назойливых mosкитов, выующихся над его головой, и тихо чертыхался. При виде вошедших девушек, он слегка оторвал зад от кресла. Его унылое лицо со впалыми

щеками оживил лёгкий румянец, глаза радостно вспыхнули, напмаженные тонкие усики встали дыбом и затрепетали, как у таракана, нашедшего кусочек сахара.

— Полковник Фиделиус Харберт к вашим услугам, кра-
савицы! Зачем двум таким очаровательным грациям пона-
добился старый солдат, не знающий слов любви?

Зардевшись от удовольствия, Барабара и Веневьева друж-
но сделали идеальный книксен, как учила классная дама ма-
демуазель Вальпургия, и Барабара в двух словах объяснила
полковнику Харберту цель их визита.

— Ах, вам несказанно повезло, прелестницы, — томно
проговорил полковник, не обращая никакого внимания на
Мельхиора и Аполлона Тупса. — Через час в Новую Гвению
с грузом бус отплывает «Саламандра» — галера моего друга
Людвика Астро. Если я попрошу его, Людвик возьмёт вас на
борт и доставит в Мнестру. Он настоящий друг, он не отка-
жет старому солдату.

— Ну так попросите его, — бесцеремонно заявил Мель-
хиор, которому Харберт совсем не нравился. Какой-то без-
застенчивый ловелас, а не офицер крепостной пехоты. Как
он смеет так бесстыдно разглядывать масляными глазками
его Барабару! Прощелыга! Впрочем, Мельхиор тут же усты-
дился своих мыслей. Ведь ревность — чувство недостойное.

Полковник посмотрел на Мельхиора с таким удивлением,
словно с картины с ним заговорил Флориан Миротворивый.

— Но вы должны понимать, многоуважаемый месье Не-

Знаю-Вашего-Имени, что всякий добрый поступок должен вознаграждаться. Так учил нас Гведикус, — кротко произнёс Харберт, закатив глаза и сложив молитвенно руки с покрытыми красным лаком ногтями.

— Мы уже всё поняли, месьер Харберт, — сказала Барабара, даря полковнику самую обворожительную улыбку, на какую была способна. — Сколько будет стоить ваш добрый поступок? Наверное, небольшое состояние?

— Ах, ну что вы, богиня! — горячо возразил полковник и плотоядно облизнулся. — Помилуй меня Деус! Много брать за добрые поступки — это грех. Золотого флориана, а лучше двух, старому солдату, не знающему слов любви, будет вполне достаточно.

Глава 7. Суматоха на «Саламандре»

Плавание по Гведиане проходило спокойно. Подчиняясь свисткам капитана Астро, несколько десятков смуглых гребцов размеренно двигали длинные вёсла, и «Саламандра» шла довольно быстро. Парус не ставили, так как ветер был встречный.

Кроме четверых путешественников, на борту находилась только одна пассажирка: молодая девушка с тремя плотно запечатанными кувшинами и флейтой необычной формы, висящей у неё на шее. Девушку звали Грация Бублик, а о роде её занятий можно было только догадываться. Услышав имя девушки, Мельхиор сразу вспомнил полковника Харберта с его грациями, красавицами, прелестницами и богинями. Тьфу, противный таракан!

Грация была довольно симпатичной девушкой. Среднего роста, пропорционального сложения, с сильно загорелой кожей, так что её можно было принять за уроженку прибрежных племён Новой Гвееии. Скуластое лицо, узкие внимательные глаза, пухлые губки. Из-под косынки на плечи падали длинные тёмные волосы. На босых ногах — кожаные сандалии на деревянной подошве. На девушке была длинная розовая туника с боковыми разрезами от подола до середины бедра, надетая поверх тонких малиновых шальвар. На груди мерцало ожерелье в форме свернувшейся змеи.

После захода солнца «Саламандра» встала на якорь недалеко от берега. На ночь капитан Астро разместил пассажиров в двух каютах на корме. Уставшие за день мужчины быстро заснули, а девушки ещё долго шептались за тонкой переборкой. Наконец затихли и они. Теперь ночную тишину нарушал только ритмичный плеск волн о борт галеры.

Посреди ночи Барабару разбудил какой-то звук. Она открыла глаза. В каюте было тихо. Соседки спали. Звук повторился снова. Он исходил из кувшинов, принадлежавших Грации. Перед сном она поставила их в углу каюты. Кто-то тяжело ворочался в одной из посуды. Или что-то? Барабара тихонько встала, подошла и, приложив руку к глиняному боку кувшина, напрягла слух. Так и есть. Внутри что-то шевелилось. Кувшин еле заметно подрагивал. Барабара проверила второй кувшин, потом третий. Во всех трёх ощущалось какое-то движение. Что бы это могло быть? Барабара не решилась открыть пробки, поэтому, теряясь в догадках, вернулась на своё место, легла и постаралась снова уснуть. Завтра утром обязательно спрошу Грацию, что она прячет в кувшинах, наказала себе девушка. Через минуту она уже спала крепким сном.

Под утро экипаж и пассажиров разбудил оглушительный визг из женской каюты. На «Саламандре» поднялась невообразимая паника. Матросы с воплями носились по галере, не понимая, что случилось и что им делать. Некоторые из них даже прыгнули за борт. Капитан Астро изо всех сил дул в

свисток и топал ногами, пытаясь навести порядок.

Когда Мельхиор влетел в женскую каюту, он увидел, что бледные от ужаса Барабара и Веневьева сидят на своих кроватях и указывают трясущимися руками на один из кувшинов Грации. Из кувшина грозно вздымалась, раздувая капюшон, огромная королевская кобра! Но визжали не девушки. Визжал Аполлон Тупс.

— Как вы посмели открыли кувшин, месьер? — заорала Грация, с трудом перекрывая визг Тупса.

— Клянусь Святой Пейрепертузой, из чистого любопытства, — едва смог вымолвить Тупс.

— Любопытного воробья кошка съела! — напомнила Грация всем известную гведскую поговорку, но охотник на демонов и привидений уже лишился чувств.

В каюте стало относительно тихо. Топот ног, свистки и крики на палубе тоже прекратились. Похоже, капитану Астро всё же удалось восстановить порядок.

— В других кувшинах тоже змеи? — спросил Грацию Мельхиор.

— Да, две совершенно безобидные болотные гадюки: Шипучка и Ползучка. А кобру я зову просто Змеюка.

— Насколько я знаю, болотные гадюки — это одни из самых ядовитых змей, — заметила Барабара.

— Не бойтесь. У всех моих подружек вырваны зубы, — усмехнулась Грация. — Я ядовитых змей сама боюсь. А сейчас не мешайте мне. Нужно вернуть Змеюку обратно.

Скрестив ноги, Грация села перед кувшином с коброй, приложила ко рту флейту и начала наигрывать печальную мелодию. В такт мелодии она начала плавно раскачиваться. Вскоре кобра тоже начала повторять движения девушки и медленно-медленно опускаться в кувшин. Через минуту змея окончательно скрылась внутри сосуда. Не переставая играть, Грация встала, подошла к кувшину и снова запечатала его деревянной пробкой с крошечным отверстием для воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.